
МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Т.А.Воробьева¹

Алтайский государственный педагогический университет

ГЕНДЕРНАЯ СЕМАНТИКА РЕКИ В ПОВЕСТИ В.П.АСТАФЬЕВА «ПЕРЕВАЛ»

Статья посвящена анализу гендерной семантики реки в повести В.П. Астафьева «Перевал». Исследуется взаимодополнительная связь образов реки и мачехи, которая способствует углубленному прочтению судьбы персонажа, а также обогащает первичную семантику водного потока рядом новых значений.

Ключевые слова: В.П. Астафьев, река, женское и мужское начало, мачеха, семантика, хаос, космос.

T.A.Vorobyova

Altai State Pedagogical University

GENDER SEMANTICS OF THE RIVER IN THE STORY "PASS" BY V.P.ASTAFYEV

The article analyzes the gender semantics of the river in V.P. Astafyev's story "Pass". The author investigates the enlarging relationship between the images of the river and the stepmother which promotes a deeper understanding of the character's fate and enriches the primary semantics of the water flow by means of a number of new meanings.

Keywords: V.P.Astafyev, river, feminine and masculine, stepmother, semantics, chaos, space.

В символическом арсенале писателей-традиционалистов река тесно связана с женским началом. Яркие примеры находим в рассказах В.И. Белова, повестях «Там, вдали», «Живет такой парень» и целом

---

¹ Татьяна Александровна Воробьева, аспирант 1 курса филологического факультета Алтайского государственного педагогического университета (АлтГПУ, Барнаул).

ряде рассказов В.М. Шукшина, повести «Живи и помни» В.Г. Распутина и др.

Обозначенная символика отчетливо прослеживается в прозе В.П. Астафьева. По мнению В.В.Дегтярёвой, «у Астафьева мифологема реки может олицетворять как женское, так и мужское начало, в зависимости от того, о какой из рек идет речь в каждом конкретном случае. <...>. Однако чаще всего она олицетворяет собой женское начало, неразрывно связанное с хтоническим» [Дегтярёва, 2010, с. 215]. Ряд исследователей справедливо объясняют устойчивую хтоническую семантику рек у В.П.Астафьева биографическими фактами судьбы писателя. В результате пережитой трагедии в художественной системе В.П. Астафьева возникает регулярный образ реки-чудовища, отнимающей самое дорогое у главного героя-ребенка. Подобный сюжет выстроен в повести «Перевал» (1958).

Главный герой мальчик Илька сбегает из дома, от злой мачехи. Скандальный, невыносимый характер женщины не оставляет ребенку выбора: «Мачеха сразу доходит до полного накала, обзывает пасынка, как ей только хочется, и обнаруживает, что Илька сохраняет невозмутимый вид. <...>. Ей хочется, чтобы Илька огрызнулся, чтобы в доме был шум, гром, тарарам, после которого она выплчется, ее охватит усталость, и наступит недолговременное затишье» [Астафьев, 1979, с. 118-119]. Покинув родной дом, Илька примыкает к сплавщикам леса и уже не встречает мачеху, однако двойником героини на протяжении всей повести выступает река: «Возле поворота, в узкой гранитной дыре, судорожно бьется речка Ознобиха. Бьется устало и озлобленно. Даже попав в Мару, она все еще беспокойно пошевеливает вспененным хвостом. И долго голубоватую змеей ползет Ознобиха по Мару, прежде чем в ней растворится.

Только поздней ночью затихают хлопки и всплески. И тогда явственно слышно, как дробно рассыпаются брызгами ключи, выбегающие из скал на верхних навесах, яростно клокочет Ознобиха и ворчит заброшенная камнями, непокорная Мара» [Астафьев, 1979, с. 193-194]. В приведенных отрывках очевидно сходство бурной реки и беспокойного характера мачехи: во-первых, одинаковое стремление реки и женщины к шуму, всеобщему движению; во-вторых, созвучная кратковременная тишина перед новым беспокойным днем.

Как отмечает Ю.Г. Бобкова, «река ревностно (как воплощение женского начала) отнимает жизнь у той, кто может соперничать в способности давать жизнь» [Бобкова, 2004, с. 28]. Развивая мысль исследователя, можно предположить, что, отняв у ребенка мать, река в повести пытается занять ее место, но уже в роли мачехи (статуса с преобладающим негативным семантическим ореолом). Таким образом, персонаж фактически заменяется рекой, но с сохранением ряда ведущих характеристик образа злой мачехи, закрепленных в народном понимании.

Однако, обнаруживая широкое ассоциативное поле, название Ознобиха привносит в однозначный образ скандальной, жестокой женщины семантику трагизма: с одной стороны, слово Ознобиха созвучно форме «озлобленный» – основная черта характера мачехи; с другой – наиболее близкой является форма «ознобший» – «*ставший жертвой* внешнего холода». Таким образом, посредством реки образ женщины становится объемным, «озлобленность» героини интерпретируется как результат тяжелой, трагичной судьбы, вынесенной за рамки повествования. Примечательно также, что статус мачехи, несущий в национальной культуре скорее негативные коннотации, в свою очередь, объясняет суровый «нрав» реки.

Однако сходство реки и женщины на этом не заканчивается. Дикая, опасная на вид река таит свои сокровища: «Возле речки Ознобихи нет ни смородинника, ни черемушника. Она так же неприветлива, обнажена, как и скалы, родившие ее. Но, должно быть, в середине этих с виду мертвых скал, в темных тайниках, хранится что-то целебное. При выходе многих ключей накалились сероватые и ржавые наросты, похожие на березовую губу.

По-здешнему это называется каменным маслом. Рискуя жизнью, самые отчаянные знахари карабкаются на скалы, отколупывают каменное масло и пользуют им от всех немочей деревенский люд» [Астафьев, 1979, с. 194].

Подобный мотив встречаем в Илькином сне о мачехе: «Ильке снится дом. Неприветливый, вроде бы чужой, а всё-таки дом. И мачеха снится. Что знает о ней Феша? Разве она знает, как коротали вместе страшную зиму мачеха и Илька? У нее тоже где-то глубоко, глубоко, будто в загнете угли, подернутые пеплом, хранятся добрые чувства.

Она их никому не выказывает. Видимо, стесняется» [Астафьев, 1979, с. 205]. Следовательно, река и мачеха в повести не просто созвучны, но взаимодополнительны: за счет скрытой семантики реки образ женщины приобретает новую глубину; одновременно с этим река перестает быть лишь водным потоком, обретая черты женского характера.

Традиционно женское начало ассоциируется с хаосом, алогичностью, противопоставленным космосу, мужскому началу. В изучаемой повести В.П. Астафьев отходит от общей тенденции. Несмотря на взбалмошный, непокорный нрав, мачеха Ильки обладает жестким характером, четким внутренним стержнем, который спасает героев в трудные годы, в отличие от слабохарактерного отца мальчика. В этом случае река как бурный, направленный поток противопоставлена бесформенным жидкостям. Вспоминая родителя, Илька дает следующую характеристику: «А отец – кисель. Так его называла бабушка. Жидкий кисель, потому что он бесхарактерный: бабе поддается» [Астафьев, 1979, с. 205]. Однако сплавщики, приютившие мальчика, приводят свой, более резкий аналог: «Прохор расположился возле стола. Приняв от Трифона кисет, он поинтересовался:

– Чей парнишка?

– Верстакова.

– Павла?

– Его.

– Нагрезил чо или пустил все-таки папа сынка в беспризорники? – Прохор покачал головой. – Вот скажи ты: охотник на всю округу знаменитый. Не боится ни тайги, ни черта, а дома...

– Сопля!» [Астафьев, 1979, с. 207].

Если в сравнении с киселем у мальчика на передний план выдвинута аморфность отцовского характера, то в варианте, предложенном сплавщиками, подчеркнута семантика отвратительного, мерзкого. Следовательно, именно такую оценку получает поведение Илькиного отца у взрослых. Е.М. Мелетинский пишет: «Хаос большей частью конкретизируется как мрак или ночь, как пустота или зияющая бездна, как вода или неорганизованное взаимодействие воды и огня, как аморфное состояние вещества в яйце» [Мелетинский, 2000, с. 206].

Исходя из этого, взбалмошная астафьевская героиня более тяготеет к космосу, нежели ее бесхарактерный, легкомысленный супруг.

Таким образом, несмотря на то, что В.П. Астафьев отчасти следует общепринятой тенденции, спаянность и взаимообусловленность рассмотренных образов повести рождает представление о поэтике художественной системы писателя в целом. Как правило, активное, «неоднозначное» женское начало в прозе В.П. Астафьева зачастую представлено наиболее яркими образами, в отличие от пассивного мужского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Астафьев, В. П. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Стародуб; Перевал; Звездопад; Пастух и пастушка; Ода русскому огороду / Предисл. В. Курбатова / В.П. Астафьев. – Москва: Молодая гвардия, 1979. – 493 с.

Бобкова Ю.Г. Символика воды в текстах ранних произведений В. П. Астафьева / Ю. Г. Бобкова // Астафьевские чтения (Пермь, 17 2003 г.). – Пермь, 2004. – Вып. 2. – С. 27- 32.

Дегтярёва, В. В. Мифологемы водного мира в творчестве В. П. Астафьева / В. В. Дегтярева // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2010. – №2. – С. 214-219.

Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное / Е.М. Мелетинский. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с.